

В некотором государстве жил-был царь, холост — не женат. Был у него на службе стрелок по имени Андрей.

Пошёл раз Андрей-стрелок на охоту. Ходил, ходил целый день по лесу — не посчастливилось, не мог на дичь напасть. Время было к вечеру, идёт он обратно — кручинится. Видит — сидит на дереве горлица.

«Дай, — думает, — стрельну хоть эту». Стрельнул и ранил её, — свалилась горлица с дерева на сырую землю. Поднял ее Андрей, хотел свернуть ей голову, положить в сумку.

А горлица говорит ему человеческим голосом:

— Не губи меня, Андрей-стрелок, не руби моей головы, возьми меня живую, принеси домой, посади на окошко. Да смотри, как найдёт на меня дремота — в ту пору бей меня правой рукой наотмашь: добудешь себе великое счастье.

Удивился Андрей-стрелок: что такое? С виду совсем птица, а говорит человеческим голосом. Принёс он горлицу домой, посадил на окошко, а сам стоит дожидается.

Прошло немного времени, горлица положила головку под крылышко и задремала. Андрей вспомнил, что она ему наказывала, ударил ее правой рукой наотмашь. Упала горлица наземь и обернулась девицей, Марьей-царевной, да такой прекрасной, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать.

Говорит Марья-царевна стрелку:

— Сумел меня взять, умей и удержать — неспешным пирком да за свадебку. Буду тебе честной да веселой женой.

На том они и поладили. Женился Андрей-стрелок на Марье-царевне и живёт с молодой женой — потешается. А службы не забывает: каждое утро ни свет ни заря идёт в лес, настреляет дичи и несет на царскую кухню.

Пожили они так недолго, Марья-царевна говорит:

— Бедно живёшь ты, Андрей!

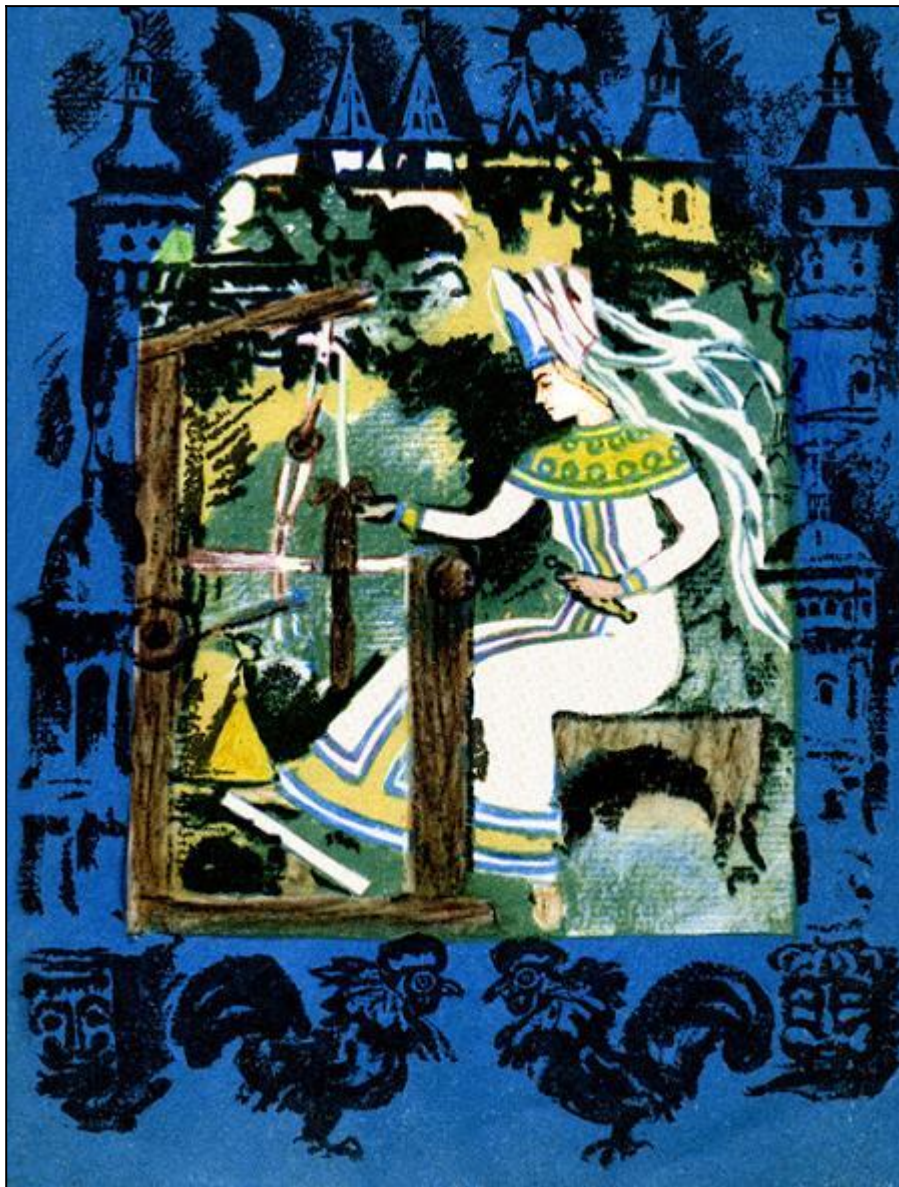
— Да, как сама видишь.

— Добудь-ка рублей сотню, купи на эти деньги разного шёлку, я всё дело поправлю.

Послушался Андрей, пошёл к товарищам, у кого рубль, у кого два занял, накупил разного шёлку и принёс жене. Марья-царевна взяла шёлк и говорит:

— Ложись спать, утро вечера мудренее.

Андрей лёг спать, а Марья-царевна села ткать. Всю ночь ткала и выткала ковер, какого в целом

свете не видывали: на нём всё царство расписано, с городами и деревнями, с лесами и нивами, и птицы в небе, и звери на горах, и рыбы в морях; кругом луна и солнце ходят...

Наутро Марья-царевна отдаёт ковёр мужу:

— Понеси на гостиный двор, продай купцам, да смотри — своей цены не запрашивай, а что дадут, то и бери.

Андрей взял ковёр, повесил на руку и пошел по гостиным рядам.

Подбегает к нему один купец:

— Послушай, почтенный, сколько спрашиваешь?

— Ты торговый человек, ты и цену давай.

Вот купец думал, думал — не может оценить ковра. Подскочил другой, за ним — ещё. Собралась купцов толпа великая, смотрят на ковёр, дивуются, а оценить не могут.

В то время проезжал мимо рядов царский советник, и захотелось ему узнать, про что толкует купечество. Вышел из кареты, насилиу пропихался через великую толпу и спрашивает:

— Здравствуйте, купцы, заморские гости! О чём речь у вас?

— Так и так, ковра оценить не можем.

Царский советник посмотрел на ковёр и сам дался диву:

— Скажи, стрелок, скажи по правде истинной: откуда добыл такой славный ковер?

— Так и так, моя жена вышила.

— Сколько же тебе дать за него?

— А я и сам не знаю. Жена наказала не торговаться: сколько дадут, то и наше.

— Ну, вот тебе, стрелок, десять тысяч.

Андрей взял деньги, отдал ковёр и пошёл домой. А царский советник поехал к царю и показывает ему ковёр. Царь взглянул — на ковре все его царство как на ладони. Он так и ахнул:

— Ну, что хочешь, а ковра я тебе не отдам!

Вынул царь двадцать тысяч рублей и отдаёт советнику из рук в руки. Советник деньги взял и думает: «Ничего, я себе другой, ещё лучше, закажу».

Сел опять в карету и поскакал в слободу. Разыскал избушку, где живёт Андрей-стрелок, и стучится в дверь. Марья-царевна отворяет ему.

Царский советник одну ногу через порог занёс, а другую не переносит, замолчал и про своё дело забыл: стоит перед ним такая красавица, век бы глаз от нее не отвёл, всё бы смотрел да смотрел.

Марья-царевна ждала-ждала ответа да повернула царского советника за плечи и дверь закрыла. Насилу он опомнился,

нехотя поплёлся домой. И с той поры и ест — не наест и пьёт — не запьёт: все ему представляется стрелкова жена.

Заметил это царь и стал выпрашивать, что за кручина у него такая.

Советник говорит царю:

— Ах, видел я у одного стрелка жену, всё о ней думаю! И ни запить это, ни заесть, никаким зельем не заморозить.

Пришла царю охота самому посмотреть стрелкову жену. Оделся он в простое платье, поехал в слободу, нашел избёнку, где живёт Андрей-стрелок, и стучится в дверь. Марья-царевна отворила ему. Царь одну ногу через порог занёс, другую и не может, совсем онемел: стоит перед ним несказанная красота.

Марья-царевна ждала-ждала ответа, повернула царя за плечи и дверь закрыла.

Защемила царя сердечная зазноба. «Чего, — думает, — хожу холост, не женат? Вот бы жениться на этой красавице! Не стрельчихой ей быть — на роду ей написано быть царицей».

Воротился царь во дворец и задумал думу нехорошую — отбить жену от живого мужа. Призывает

он советника и говорит:

— Надумай, как извести Андрея-стрелка. Хочу на его жене жениться. Придумаешь — награжу городами, и деревнями, и золотой казной, не придумаешь — сниму голову с плеч.

Закручинился царский советник, пошёл и нос повесил. Как извести стрелка, не придумает. Да с горя и завернул в кабак винца испить. Подбегает к нему кабацкая теребень (кабацкая теребень — постоянный посетитель кабака) в рваном кафтанишке:

— О чём, царский советник, пригорюнился, зачем нос повесил?

— Поди прочь, кабацкая теребень!

— А ты меня не гони, лучше стаканчик винца поднеси, я тебя на ум наведу.

Поднёс ему царский советник стаканчик винца и рассказал про свое горе.

Кабацкая теребень и говорит ему:

— Извести Андрея-стрелка дело

нехитрое — сам-то он прост, да жена у него больно хитра. Ну, да мы загадаем загадку такую, что ей не справиться. Воротись к царю и скажи: пускай он пошлёт Андрея-стрелка на тот свет узнать, как поживает покойный царь-батюшка. Андрей уйдёт и назад не вернётся.

Царский советник поблагодарил кабацкую теребень — и бегом к царю:

— Так и так, можно стрелка извести.

И рассказал, куда нужно его послать и зачем. Царь обрадовался, велел позвать Андрея-стрелка.

— Ну, Андрей, служил ты мне верой-правдой, сослужи ещё службу: сходи на тот свет, узнай, как поживает мой батюшка. Не то мой меч — твоя голова с плеч...

Андрей воротился домой, сел на лавку и голову повесил. Марья-царевна его спрашивает:

— Чего невесел? Или невзгода какая?

Рассказал ей Андрей, какую царь задал ему службу.

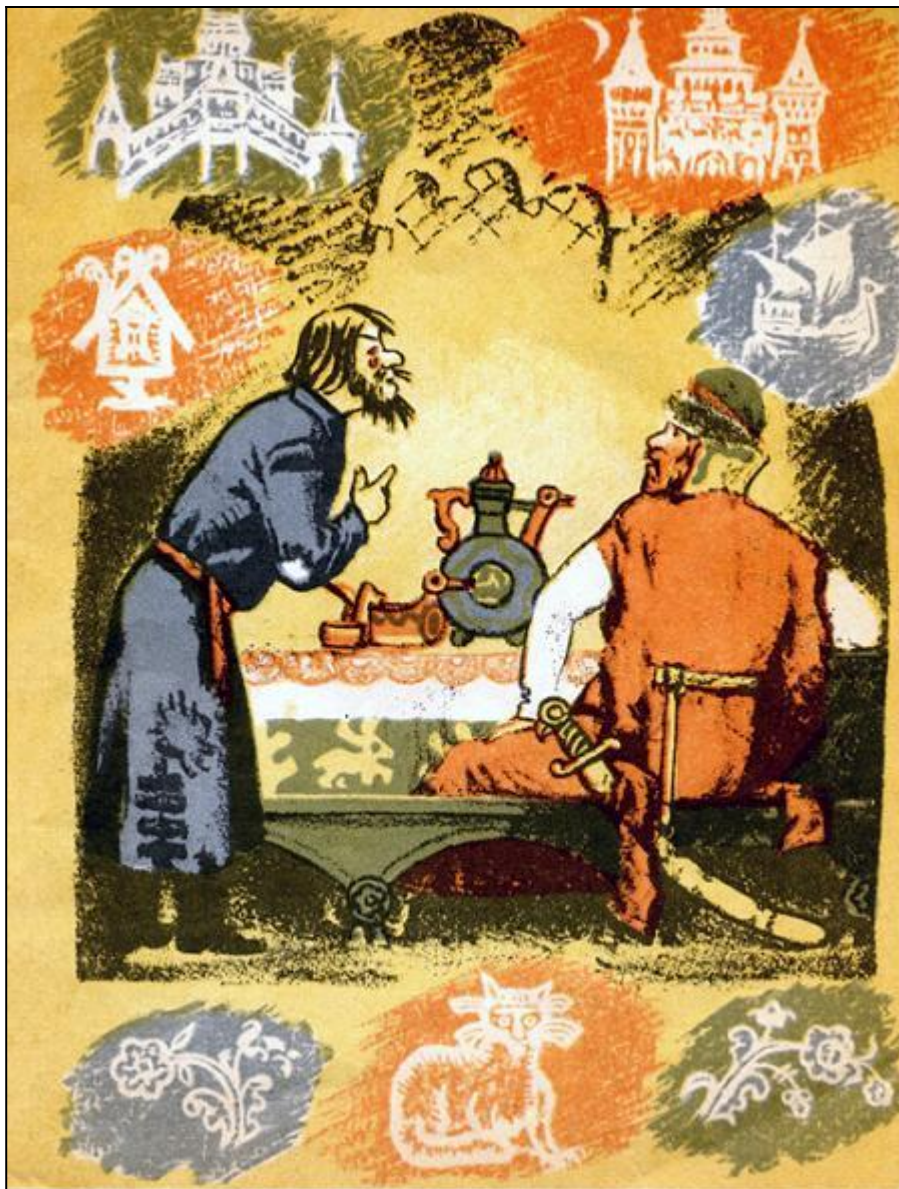
Марья-царевна говорит:

— Есть о чём горевать! Это не служба, а службишка, служба будет впереди. Ложись спать, утро вечера мудренее.

Утром рано, только проснулся Андрей, Марья-царевна дает ему мешок сухарей и золотое колечко.

— Поди к царю и проси себе в товарищи царского советника, а то, скажи, тебе не поверят, что был ты на том свете. А как выйдешь с товарищем в путь-дорогу, брось перед собой колечко, оно тебя доведёт.

Андрей взял мешок сухарей и колечко, попрощался с женой и пошел к царю просить себе

дорожного товарища. Делать нечего, царь согласился, велел советнику идти с Андреем на тот свет.

Вот они вдвоём и вышли в путь-дорогу. Андрей бросил колечко — оно катится. Андрей идёт за ним полями чистыми, мхами-болотами, реками-озёрами, а за Андреем царский советник тащится.

Устанут идти, поедят сухарей — и опять в путь.

Близко ли, далёко ли, скоро ли, коротко ли, пришли они в густой, дремучий лес, спустились в глубокий овраг, и тут колечко остановилось.

Андрей и царский советник сели поесть сухарей. Глядь, мимо них на старом-престаром царе два чёрта дрова везут — большущий воз — и погоняют царя дубинками, один с правого бока, другой с левого.

Андрей говорит:

— Смотри, никак, это наш покойный царь-батюшка?

— Твоя правда, это он самый дрова везёт.

Андрей и закричал чертям:

— Эй, господа черти! Освободите мне этого покойничка хоть на малое время, мне нужно кой о чем его расспросить.

Черти отвечают:

— Есть нам время дожидаться! Сами, что ли, дрова повезём?

— А возьмите у меня свежего человека на смену.

Ну, черти отпрягли старого царя, на его место впрягли в воз царского советника и давай его с обеих сторон погонять дубинками; тот гнётся, а везёт.

Андрей стал спрашивать старого царя про его житьё-бытьё.

— Ах, Андрей-стрелок, — отвечает царь, — плохое моё житье на том свете! Поклонись от меня сыну да скажи, что я накрепко заказываю людей не обижать, а то и с ним то же станется.

Только успели они поговорить, черти уж назад едут с порожней телегой. Андрей попрощался со старым царём, взял у чертей царского советника, и пошли они в обратный путь.

Приходят в своё царство, являются во дворец.

Царь увидел стрелка и в сердцах накинулся на него:

— Как ты смел назад воротиться?

Андрей-стрелок отвечает:

— Так и так, был я на том свете у вашего покойного родителя. Живёт он плохо, велел вам кланяться да накрепко наказывал людей не обижать.

— А чем докажешь, что ходил на тот свет и моего родителя видел?

— А тем я докажу, что у вашего советника на спине и теперь ещё знаки видны, как его черти дубинками погоняли.

Тут царь уверился, делать нечего — отпустил Андрея домой. А сам говорит советнику.

— Вздумай, как извести стрелка, не то мой меч — твоя голова с плеч.

Пошёл царский советник, еще ниже нос повесил. Заходит в кабак, сел за стол, спросил вина. Подбегает к нему кабацкая теребень:

— Что, царский советник, пригорюнился? Поднеси-ка мне стаканчик, я тебя на ум наведу.

Советник поднес ему стаканчик винца и рассказал про свое горе. Кабацкая теребень ему говорит:

— Воротись назад и скажи царю, чтобы задал он стрелку вот какую службу — её не то что выполнить, трудно и выдумать: послал бы его за тридевять земель, в тридесятое царство добыть кота Баюна...

Царский советник побежал к царю и рассказал, какую службу задать стрелку, чтобы он назад не вернулся. Царь посылает за Андреем.

— Ну, Андрей, сослужил ты мне службу, сослужи другую: ступай в тридесятое царство и добудь мне кота Баюна. Не то мой меч — твоя голова с плеч.

Пошёл Андрей домой, ниже плеч голову повесил и рассказывает жене, какую царь задал ему службу.

— Есть о чем кручиниться! — Марья-царевна говорит. — Это не служба, а службишка, служба будет впереди. Ложись спать, утро вечером мудренее.

Андрей лёг спать, а Марья-царевна пошла на кузницу и велела кузнецам сковать три колпака железных, железные клещи и три прута: один железный, другой медный, третий оловянный.

Утром рано Марья-царевна разбудила Андрея:

— Вот тебе три колпака да клещи и три прута, ступай за тридевять земель, в тридесятое государство. Трёх вёрст не дойдёшь, станет одолевать тебя сильный сон — кот Баюн на тебя дремоту напустит. Ты не спи, руку за руку закидывай, ногу за ногу волочи, а где и катком катись. А если уснёшь, кот Баюн убьёт тебя.

И тут Марья-царевна научила его, как и что делать, и отпустила в дорогу.

Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается; пришел Андрей-стрелок в тридесятое царство. За три версты стал его одолевать сон. Надевает Андрей на голову три колпака железных, руку за руку закидывает, ногу за ногу волочит — идёт, а где и катком катится.

Кое-как выдержал дремоту и очутился у высокого столба.

Кот Баюн увидел Андрея, заворчал, зауркал да со столба прыг ему на голову! Один колпак разбил и другой разбил, взялся было за третий. Тут Андрей-стрелок ухватил кота клещами, сволок наземь и давай отлаживать прутьями. Наперво сек железным прутом — изломал железный, принялся угощать медным — и этот изломал и принялся бить оловянным.

Оловянный прут гнётся, не ломится, вокруг хребта обвивается. Андрей бьёт, а кот Баюн начал сказки рассказывать: про попов, про дьяков, про поповых дочерей. Андрей его не слушает, знай охаживает прутом.

Невмоготу стало коту — видит, что заговорить нельзя, он и взмолился:

— Покинь меня, добрый человек! Что надо, всё тебе сделаю.

— А пойдёшь со мной?

— Куда хочешь пойдёшь.

Андрей пошёл в обратный путь и кота за собой повёл. Добрался до своего царства, приходит с котом во дворец и говорит царю:

— Так и так, службу выполнил, добыл вам кота Баюна.

Царь удивился и говорит:

— А ну, кот Баюн, покажи большую страсть!

Тут кот свои когти точит, на царя их ладит, хочет у него белую грудь раздирать, из живого сердце вынимать.

Царь испугался:

— Андрей-стрелок, уйми, пожалуйста, кота Баюна!

Андрей кота унял и в клетку запер, а сам пошёл домой, к Марье-царевне. Живёт-поживает, тешится с молодой женой. А царя ещё пуще знобит зазноба сердечная. Опять призвал он советника:

— Что хочешь придумай, изведи Андрея-стрелка, не то мой меч — твоя голова с плеч.

Царский советник идёт прямо в кабак, нашёл там кабацкую теребень в рваном кафтанишке и просит его выручить, на ум навести. Кабацкая теребень стаканчик вина выпил, усы вытер.

— Ступай, — говорит, — к царю и скажи: пусть пошлёт Андрея-стрелка туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что. Этой задачи Андрей во веки веков не выполнит и назад не вернётся.

Советник побежал к царю и всё ему доложил. Царь посылает за Андреем.

— Сослужил ты мне две службы, сослужи третью: сходи туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что. Сослужишь — награжу по-царски, а не то мой меч — твоя голова с плеч.

Пришёл Андрей домой, сел на лавку и заплакал. Марья-царевна его спрашивает:

— Что, милый, невесел? Или еще невзгода какая?

Эх, — говорит, — через твою красу все напасти несую! Велел мне царь идти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что.

— Вот это служба так служба! Ну ничего, ложись спать, утро вечера мудренее.

Марья-царевна дождалась ночи, развернула волшебную книгу, читала, читала, бросила книгу и за голову схватилась: про царёву загадку в книге ничего не сказано. Марья-царевна вышла на крыльцо, вынула платочек и махнула. Налетели всякие птицы, набежали всякие звери.

Марья-царевна их спрашивает:

— Звери лесные, птицы поднебесные, — вы, звери, всюду рыскаете, вы, птицы, всюду летаете, — не слышали ль, как дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?

Звери и птицы ответили:

— Нет, Марья-царевна, мы про то не слыхивали.

Марья-царевна махнула платочком — звери и птицы пропали, как не бывали. Махнула в другой раз — появились перед ней два великана:

— Что угодно? Что надобно?

— Слуги мои верные, отнесите меня на середину Океан-моря.

Подхватили великаны Марью-царевну, отнесли на Океан-море и стали на середине, на самой пучине — сами стоят, как столбы, а её на руках держат. Марья-царевна махнула платочком, и приплыли к ней все гады и рыбы морские.

— Вы, гады и рыбы морские, вы везде плаваете, на всех островах бываете, не слышали ль, как дойти туда — не знаю куда, принести то — не знаю что?

— Нет, Марья-царевна, мы про то не слышали.

Закручинилась Марья-царевна и велела отнести себя домой. Великаны подхватили её, принесли на Андреев двор, поставили у крыльца.

Утром рано Марья-царевна собрала Андрея в дорогу и дала ему клубок ниток и вышитую ширинку (ширинка — полотенце).

— Брось клубок перед собой, — куда он покатится, туда и ты иди. Да смотри, куда бы ни пришёл, будешь умываться, чужой ширинкой не утирайся, а утирайся моей.

Андрей попрощался с Марьей-царевной, поклонился на четыре стороны и пошёл за заставу. Бросил клубок перед собой, клубок покотился — катится да катится. Андрей идёт за ним следом.

Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Много царств и земель прошёл Андрей. Клубок катится, нитка от него тянется; стал клубок маленький, с куриную головочку; вот уж до чего стал маленький, не видно и на дороге... Дошёл Андрей до леса, видит: стоит избушка на курьих ножках.

— Избушка, избушка, повернись ко мне передом, к лесу задом! Избушка повернулась, Андрей вошёл и видит: на лавке сидит седая старуха, прядёт кудель.

— Фу, фу! Русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам пришёл. Вот изжарю тебя в печи да и съем и на косточках покатаюсь. Андрей отвечает старухе:

— Что ты, старая баба-яга,

станешь есть дорожного человека! Дорожный человек костоват и чёрен, ты наперёд баньку истопи, меня вымой, выпари, тогда и ешь.

Баба-яга истопила баньку. Андрей выпарился, вымылся, достал женину ширинку и стал ею утираться.

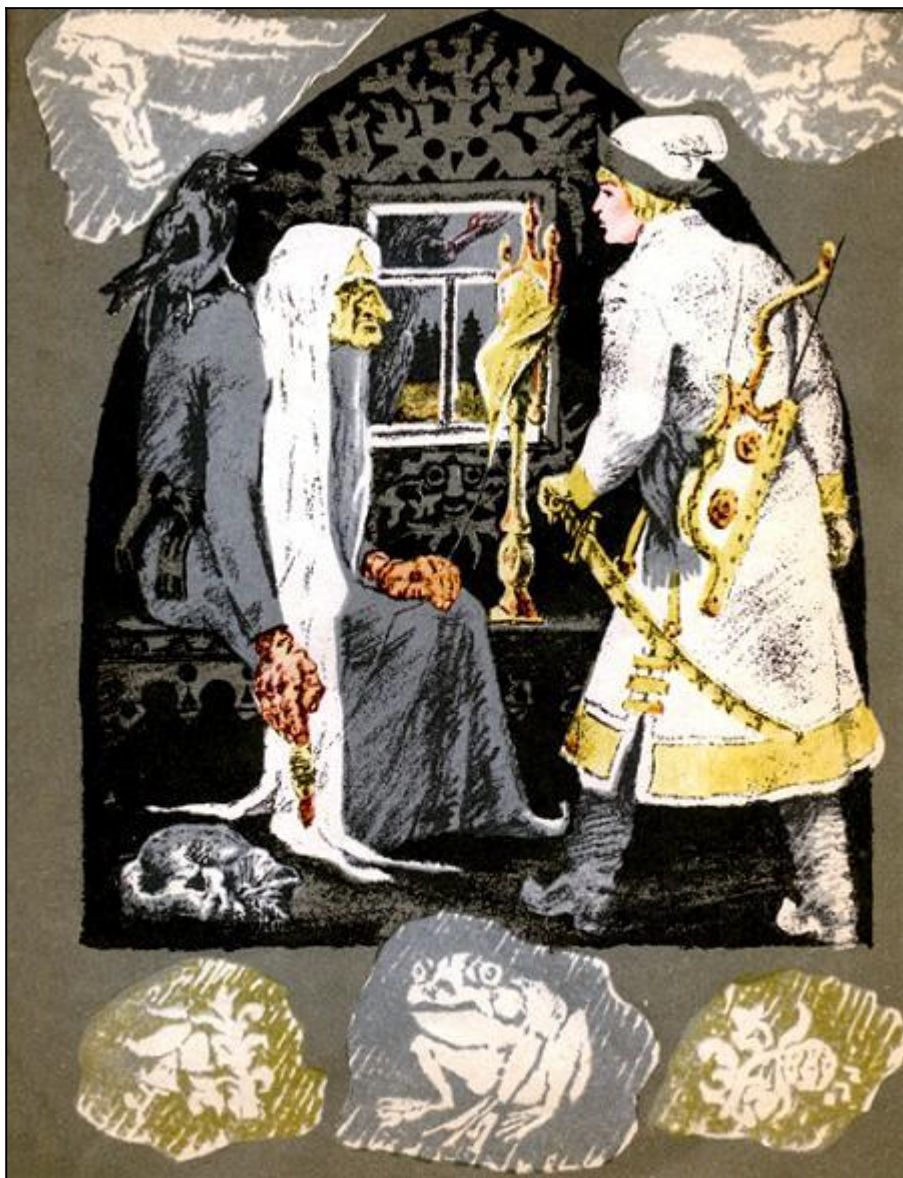
Баба-яга спрашивает:

— Откуда у тебя ширинка? Её моя дочь вышивала.

— Твоя дочь мне жена, мне и ширинку дала.

— Ах, зять возлюбленный, чем же мне тебя потчевать?

Тут баба-яга собрала ужин, наставила всяких кушаньев, вин и медов. Андрей не чванится—сел за стол, давай уплетать. Баба-яга села рядом—он ест, она выспрашивает, как он на Марье-царевне женился да живут ли они хорошо? Андрей все рассказал: как женился и как царь послал его туда

— не знаю куда, добыть то — не знаю что.

— Вот бы ты помогла мне, бабушка!

— Ах, зятюшка, ведь про это диво дивное даже я не слыхивала. Знает про это одна старая лягушка, живёт она в болоте триста лет... Ну ничего, ложись спать, утро вечера мудренее.

Андрей лёг спать, а баба-яга взяла два голика (голик — берёзовый веник без листьев, голый), полетела на болото и стала звать:

— Бабушка, лягушка-скакушка, жива ли?

— Жива.

— Выдь ко мне из болота.

Старая лягушка вышла из болота, баба-яга ее спрашивает:

— Знаешь ли, где то — не знаю что?

— Знаю.

— Укажи, сделай милость. Зятю моему дана служба: пойти туда—не знаю куда, взять то—не знаю что.

Лягушка отвечает:

— Я б его проводила, да больно стара, мне туда не допрыгать. Донесёт твой зять меня в парном молоке до огненной реки, тогда скажу.

Баба-яга взяла лягушку-скакушку, полетела домой, надоила молока в горшок, посадила туда лягушку и утром рано разбудила Андрея:

— Ну, зять дорогой, одевайся, возьми горшок с парным молоком, в молоке—лягушка, да садись на моего коня, он тебя довезёт до огненной реки. Там коня брось и вынимай из горшка лягушку, она тебе скажет.

Андрей оделся, взял горшок, сел на коня бабы-яги. Долго ли, коротко ли, конь домчал его до огненной реки. Через нее ни зверь не перескочит, ни птица не перелетит.

Андрей слез с коня, лягушка ему говорит:

— Вынь меня, добрый молодец, из горшка, надо нам через реку переправиться.

Андрей вынул лягушку из горшка и пустил наземь.

— Ну, добрый молодец, теперь садись мне на спину.

— Что ты, бабушка, эка маленькая, чай, я тебя задавлю.

— Не бойся, не задавишь. Садись да держись крепче.

Андрей сел на лягушку-скакушку. Начала она дуться. Дулась, дулась — сделалась словно копна сена.

— Крепко ли держишься?

— Крепко, бабушка.

Опять лягушка дулась, дулась—сделалась ещё больше, словно стог сена.

— Крепко ли держишься?

— Крепко, бабушка.

Опять она дулась, дулась — стала выше тёмного леса, да как скакнёт — и перепрыгнула через огненную реку, перенесла Андрея на тот берег и сделалась опять маленькой.

— Иди, добрый молодец, по этой тропинке, увидишь терем—не терем, избу—не избу, сарай—не сарай, заходи туда и становись за печью. Там найдешь то — не знаю что.

Андрей пошёл по тропинке, видит: старая изба — не изба, тыном обнесена, без окон, без крыльца. Он туда вошёл и спрятался за печью.

Вот немного погодя застучало, загремело по лесу, и входит в избу мужичок с ноготок, борода с локоток, да как крикнет:

— Эй, сват Наум, есть хочу!

Только крикнул, откуда ни возьмись, появляется стол накрытый, на нём бочонок пива да бык печёный, в боку нож точёный. Мужичок с ноготок, борода с локоток, сел возле быка, вынул нож точёный, начал мясо порезывать, в чеснок помакивать, покушивать да похваливать.

Обработал быка до последней косточки, выпил целый бочонок пива.

— Эй, сват Наум, убери объедки!

И вдруг стол пропал, как и не бывало, — ни костей, ни бочонка... Андрей дождался, когда уйдёт мужичок с ноготок, вышел из-за печки, набрался смелости и позвал:

— Сват Наум, покорми меня...

Только позвал, откуда ни возьмись, появился стол, на нём разные кушанья, закуски и заедки, вина и меды.

Андрей сел за стол и говорит:

— Сват Наум, садись, брат, со мной, станем есть-пить вместе.

Отвечает ему невидимый голос:

— Спасибо тебе, добрый человек! Столько лет я здесь служу, горелой корки не видывал, а ты меня за стол посадил.

Смотрит Андрей и удивляется: никого не видно, а кушанья со стола словно кто метелкой сметает, вина и меды сами в рюмку наливаются — рюмка скок, скок да скок.

Андрей просит:

— Сват Наум, покажись мне!

— Нет, меня никто не может видеть, я то — не знаю что.

— Сват Наум, хочешь у меня служить?

— Отчего не хотеть? Ты, я вижу, человек добрый!

Вот они поели. Андрей и говорит:

— Ну, прибирай всё да пойдём со мной.

Пошёл Андрей из избенки, оглянулся:

— Сват Наум, ты здесь?

— Здесь, не бойся, я от тебя не отстану.

Дошёл Андрей до огненной реки, там его дожидается лягушка:

— Добрый молодец, нашёл то — не знаю что?

— Нашёл, бабушка.

— Садись на меня.

Андрей опять сел на неё, лягушка начала раздуваться, раздулась, скакнула и перенесла его через огненную реку.

Тут он лягушку-скакушку поблагодарил и пошёл путём-дорогой в своё царство. Идет, идет, обернётся:

— Сват Наум, ты здесь?

— Здесь. Не бойся, я от тебя не отстану.

Шёл, шёл Андрей, дорога далеко — прибились его резвые ноги, опустились его белые руки.

— Эх, — говорит, — до чего же я уморился!

А сват Наум ему:

— Что же ты мне давно не сказал? Я бы тебя живо на место доставил.

Подхватил Андрея буйный вихрь и понёс — горы и леса, города и деревни так внизу и мелькают. Летит Андрей над глубоким морем, и стало ему страшно.

— Сват Наум, передохнуть бы!

Сразу ветер ослаб, и Андрей стал спускаться на море. Глядит — где шумели одни синие волны, появился островок, на островке стоит дворец с золотой крышей, кругом сад прекрасный... Сват Наум говорит Андрею:

— Отдыхай, ешь, пей да на море поглядывай. Будут плыть мимо три купеческих корабля. Ты купцов зазови да угости, употчевай хорошенько — у них есть три диковинки. Ты меня променяй на эти диковинки — не бойся, я к тебе назад вернусь.

Долго ли, коротко ли, с западной стороны плывут три корабля. Корабельщики увидели остров, на нем дворец с золотой крышей и кругом сад прекрасный.

— Что за чудо? — говорят. — Сколько раз мы тут плавали, ничего, кроме синего моря, не видели. Давай пристанем!

Три корабля бросили якоря, три купца-корабельщика сели на легкую лодочку, поплыли к острову. А уж Андрей-стрелок их встречает:

— Пожалуйте, дорогие гости.

Купцы-корабельщики идут дивуются: на тереме крыша как жар горит, на деревьях птицы поют, по дорожкам чудные звери прыгают.

— Скажи, добрый человек, кто здесь выстроил это чудо чудное?

— Мой слуга, сват Наум, в одну ночь построил.

Андрей повёл гостей в терем:

— Эй, сват Наум, собери-ка нам попить, поесть!

Откуда ни возьмись, явился накрытый стол, на нём — вина и кушанья, чего душа захочет. Купцы-корабельщики только ахают.

— Давай, — говорят, — добрый человек, меняйся: уступи нам своего слугу, свата Наума, возьми у нас за него любую диковинку.

— Отчего ж не поменяться? А каковы будут ваши диковинки?

Один купец вынимает из-за пазухи дубинку. Ей только скажи: «Ну-ка, дубинка, обломай бока этому человеку!» — дубинка сама начнет колотить, какому хочешь силачу обломает бока.

Другой купец вынимает из-под полы топор, повернул его обухом кверху — топор сам начал тять: тят да ляп—вышел корабль; тят да ляп — ещё корабль. С парусами, с пушками, с храбрыми моряками. Корабли плывут, пушки палят, храбры моряки приказа спрашивают.

Повернул топор обухом вниз — сразу корабли пропали, словно их и не было.

Третий купец вынул из кармана дудку, загудел — войско появилось: и конница, и пехота, с ружьями, с пушками. Войска идут, музыка гремит, знамена развеваются, всадники скачут, приказа спрашивают.

Купец задудел с другого конца в дудку — и нет ничего, всё пропало.

Андрей-стрелок говорит:

— Хороши ваши диковинки, да моя стоит дороже. Хотите меняться — отдавайте мне за моего слугу, свата Наума, все три диковинки.

— Не много ли будет?

— Как знаете, иначе меняться не стану.

Купцы думали, думали: «На что нам дубинка, топор да дудка? Лучше поменяться, со сватом Наумом будем безо всякой заботы день и ночь и сыты и пьяны».

Отдали купцы-корабельщики Андрею дубинку, топор и дудку и кричат:

— Эй, сват Наум, мы тебя берём с собой! Будешь нам служить верой и правдой?

Отвечает им невидимый голос:

— Отчего не служить? Мне всё равно, у кого ни жить.

Купцы-корабельщики вернулись на свои корабли и давай пировать — пьют, едят, знай покрикивают:

— Сват Наум, поворачивайся, давай того, давай того!

Перепились все допьяна, где сидели, там и спать свалились.

А стрелок сидит один в тереме, пригорюнился.

«Эх, — думает, — где-то теперь мой верный слуга, сват Наум?»

— Я здесь. Чего надобно?

Андрей обрадовался:

— Сват Наум, не пора ли нам на родную стороушку, к молодой жене? Отнеси меня домой.

Опять подхватил Андрея вихрь и понёс в его царство, на родную сторону.

А купцы проснулись, и захотелось им опохмелиться:

— Эй, сват Наум, собери-ка нам попить-поесть, живо поворачивайся!

Сколько ни звали, ни кричали, всё нет толку. Глядят, и острова нет: на месте его шумят одни синие волны.

Погоревали купцы-корабельщики: «Эх, надул нас недобрый человек!» — да делать нечего, подняли паруса и поплыли, куда им было надобно.

А Андрей-стрелок прилетел на родимую сторону, опустился возле своего домишки, смотрит: вместо домишки обгорелая труба торчит.

Повесил он голову ниже плеч и пошёл из города на синее море, на пустое место. Сел и сидит. Вдруг, откуда ни возьмись, прилетает сизая горлица, ударилась об землю и оборотилась его молодой женой, Марьей-царевной.

Обнялись они, поздоровались, стали друг друга спрашивать, друг другу рассказывать.

Марья-царевна рассказала:

— С той поры как ты из дому ушёл, я сизой горлицей летаю по лесам да по рощам. Царь три раза за мной посылал, да меня не нашли и домишко сожгли.

Андрей говорит:

— Сват Наум, нельзя ли нам на пустом месте у синего моря дворец поставить?

— Отчего нельзя? Сейчас будет исполнено.

Не успели оглянуться—и дворец поспел, да такой славный, лучше царского, кругом — зеленый сад, на деревьях птицы поют, по дорожкам чудные звери скачут.

Взошли Андрей-стрелок с Марьей-царевной во дворец, сели у окошка и разговаривают, друг на

друга любят. Живут, горя не А царь в то время поехал на охоту, на синее море, и видит: на том месте, где ничего не было, стоит дворец.

— Какой это невежа без спроса вздумал на моей земле строиться?

Побежали гонцы, всё разведали и докладывают царю, что тот дворец поставлен Андреем-стрелком и живет он в нем с молодой женой, Марьей-царевной.

Ещё пуще разгневался царь, посылает узнать, ходил ли Андрей туда — не знаю куда, принес ли то — не знаю что.

Побежали гонцы, разведали и докладывают:

— Андрей-стрелок ходил туда—не знаю куда и добыл то — не знаю что.

Тут царь и совсем осерчал, приказал собрать войско, идти на взморье, тот дворец разорить дотла, а самого Андрея-стрелка и Марью-царевну предать лютой смерти. Увидел Андрей, что идёт на

него сильное войско, скорее

схватил топор, повернул его обухом кверху. Топор тят да ляп — стоит на море корабль, опять тят да ляп — стоит другой корабль. Сто раз тятнул, сто кораблей поплыло по синему морю.

Андрей вынул дудку, задудел — появилось войско: и конница, и пехота, с пушками, со знамёнами.

Начальники скачут, приказа ждут. Андрей приказал начать сражение. Музыка заиграла, барабаны ударили, полки двинулись. Пехота ломит царских солдат, конница скачет, в плен забирает. А со ста кораблей пушки так и бьют по столичному городу.

Царь видит: войско его бежит, кинулся сам к войску — останавливать. Тут Андрей вынул дубинку:

— Ну-ка, дубинка, обломай бока этому царю!

Дубинка сама пошла колесом, с конца на конец перекидывается по чистому полю: нагнала царя и ударила его в лоб, убила до смерти.

Тут и сражению конец пришёл. Повалил из города народ и стал просить Андрея-стрелка, чтобы взял он в свои руки всё государство.

Андрей спорить не стал. Устроил пир на весь мир и вместе с Марьей-царевной правил он этим государством до глубокой старости.